

«МЯГКАЯ» ТЕОРИЯ СМЫСЛА И ПАРАФРАЗ*

Наиболее строгий, но и наиболее прозрачный критерий тождества смыслов двух синтаксически различных выражений постулируется тогда, когда говорят, что смыслы этих выражений всегда различны, кроме случаев простой синонимии. Если, вслед за Чёрчем [10], понимать под смыслом выражения внелингвистическую процедуру установления (задания) его денотата, то строгий критерий тождества смыслов можно убедительно обосновать. Насколько такой критерий тождества смыслов будет полезным в анализе лингвистических феноменов? Даже если предположить, что хороший бикомпонентный анализ значения для интенциональных контекстов возможен при указанном строгом критерии тождества смыслов, то в таком контексте, который можно назвать «контекстом употребления термина “смысл”», этот критерий неприменим. В самом деле, что имеется в виду, когда говорят: «Я хотел сказать то же самое, но другими словами», ведь очевидно, что под «тем же самым» подразумевается не денотат высказывания, а какой-то аспект его смысла? Затруднения, возникающие при попытке ответить на такого рода вопросы, показывают, что логическая теория смысла недостаточно развита, для того чтобы быть адекватной сколь угодно широкому пониманию и употреблению термина «смысл» и таких оборотов, как «содержание высказывания», «то, что имеется в виду», «то, что говорится», «то, что подразумевается».

Фреге эта проблема была осознана в поздний период его исследований. Для ее решения он предложил различать две сущности – «смысл» и «содержание» высказывания. К последнему Фреге относил все прагматическое и стилистическое оформление высказывания, благодаря которому «содержание предложения нередко превосходит содержание той мысли, которая в нем выражена» [7, с. 331]. Сходным образом можно провести различие смысла и содержания именного выражения. Введение такого нового аспекта значения, как содержание, должно было помочь установить для каждого высказывания набор допустимых переформулировок, которые, затрагивая содержание, не затрагивали бы смысл. Поясним это примером Фреге, взятом из его статьи «О смысле и значении», в которой, правда, различения смысла

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант 01-03-00158а.

и содержания еще нет, но рассматриваемая проблема затрагивается. Высказывание

После того, как Шлезвиг-Гольштейн был отторгнут от Дании, Пруссия и Австрия поссорились между собой
может выражать ту же самую мысль, что и высказывание
После отторжения Шлезвиг-Гольштейна от Дании, Пруссия и Австрия поссорились между собой.

Для того чтобы это было так, необходимо, как указывает Фреге, выполнение некоторых условий, связанных с характеристикой знаний субъекта, употребляющего эти выражения [9, прим. * на с. 271]. Фреге говорит об этом в примечании к основному тексту статьи, и не случайно именно в примечании, ведь зависимость отождествления смыслов выражений от свойств субъекта противоречит той трактовке смысла, которая предлагается в статье «О смысле и значении», и состоит в том, что смысл как некоторое знание может быть одинаково доступен многим субъектам, независимо от их индивидуальных характеристик.

Для обсуждения поднятой Фреге проблемы удобно будет различать две трактовки смысла, которые условно можно назвать *универсалистской* и *субъективистской*. Первая трактовка делает смысл знанием, доступным всем субъектам в равной мере, и не включает никакие частные моменты, связанные с ситуацией употребления и индивидуальными характеристиками субъекта. Вторая трактовка предполагает, что смысл есть комбинация некоторого универсального знания и таких индивидуальных характеристик субъекта, как его опыт, предпочтения, ценностные установки и т.п., а также его способность модифицировать смысл в различных ситуациях употребления выражения. В последнем случае становится актуальной задача различения в каждом конкретном придании смысла выражению универсальной и субъективной компонент, то есть, в соответствии с поздней идеей Фреге, собственно смысла и содержания. Радикализация субъективистской трактовки смысла означало бы ослабление влияния универсальной компоненты, что делает наиболее продуктивным анализ смысла как содержания эпистемической установки особого рода.

Неизбежно, что любая теория интенциональных сущностей воспроизводит черты какой-либо из этих трактовок, так что две теории, одна из которых включает в себя черты универсалистского, а другая – черты субъективистского истолкования смысла и использующие одну и ту же терминологию, могут прийти к несовместимым

следствиям.¹ На наш взгляд, предпочтительным является такое «субъективистское» понимание смысла, когда для каждой ситуации употребления выражения и для каждого субъекта мы в структуре смысла рассматриваем соотношение «универсальных» и «субъективных» компонент, а сам смысл как интенциональную сущность помещаем в сферу эпистемических установок субъекта. Конечно, для Фреге, мысль которого всегда оставалась направленной на универсум математических объектов, такой подход был невозможен. Собственно смысл выражения понимался им как понятие или пропозиция (мысль), выражающие, соответственно, сущность предмета или положения дел. Такие понятие или пропозиция не зависят от того, есть ли кто-то, кто их мыслит, используются ли связанные с ними выражения в языке и как существует та реальность, к которой можно отнести подразумеваемые ими предметы или положения дел. Здесь выражена, несомненно, универсалистская трактовка смысла, и даже больше: здесь содержится обосновывающий ее онтологический принцип, анализ которого мы, однако, оставим в стороне. Тем самым единственная возможность, которую оставляет Фреге для «мягкой» теории смысла, скрыта в его теории содержания, продуктивность которой было бы интересно исследовать.

Что касается до собственно логических оснований отождествления смыслов, то здесь Фреге описывает две возможности. Первая из них имеет место при переформулировках по тавтологиям логики высказываний, которые Фреге рассматривает как не изменяющие смысл выражения [6, с. 367–369]. Например:

Неверно, что если А, то не В
выражает тот же смысл, что
А и В.

Вторая возможность относится к грамматической переформулировке, например, к замене активного залога на пассивный [7, с. 331]:

Саша получил ключ на 13 от Бори
и
Боря дал Саше ключ на 13.

¹ Это может приводить к острым дискуссиям, основанием которых являются не проясненные для самих участников этих дискуссий содержательные установки, как, например, в дискуссии Билера с Эндерсоном [2, 1] по поводу теории Билера [3]. Последний противопоставляет друг другу два подхода к теории смысла: «лингвистический» и «онтологический», или «реалистский» [2, с. 140].

Если мы будем считать, что такие переформулировки не нарушают «универсального» смысла высказываний и являются допустимыми, например, в эпистемическом контексте, то это будет значить, что субъектам эпистемических установок нами будет приписываться определенная логическая и, так сказать, грамматическая компетентности. В самом деле, субъект может рассматривать указанные переформулировки как не влияющие на смысл только тогда, когда для него «прозрачны» соответствующие преобразования выражений. Хотя такая компетентность субъекта и будет слабее, чем логическое всеведение, она требует обоснования, и тогда результат использования приведенных критериев тождества смысла оказывается слишком ограниченным, то есть адекватным некоторым специально уточняемым условиям своего применения.

Ни теория «содержания», ни логико-грамматические основания для отождествления смысла не были исследованы Фреге достаточно подробно, но обозначили путь к построению «мягкой» теории смысла. Одним из вариантов такой теории является предложенная Ричардом Мартином [5, с. 206–223] формализация принципов бикомпонентной семантики Фреге. Мартин исходит непосредственно из положений статьи Фреге «О смысле и значении», соединяя их с оригинальным способом трактовки смысла как совокупности парафраз. Мы рассмотрим теорию Мартина подробно, поскольку она интересна и по своему содержанию, и по тем выводам, которые можно сделать, исходя из ее анализа.

В языке системы Мартина фигурируют переменные трех сортов:

– переменные, пробегающие по универсуму объектов подразумеваемой области интерпретации некоторого языка-объекта L , например, фрагмента естественного языка:

x, y, z, x_1, \dots ;

– переменные по сущностям языка L и по предложениям, которые могут быть корректно построены в этом языке:

a, b, c, a_1, \dots ;

– переменные по смыслам языковых сущностей, в частности, предложений:

$\alpha, \beta, \gamma, \alpha_1, \dots$.

Смысл предложения Мартин также называет *мыслью*.

В качестве примитивов языка Мартин вводит следующие предикаты:

$D(a, x)$ – a денотирует (обозначает) x ;

$N(a)$ – a является собственным именем²;
 $Pre(a)$ – a является предикатной константой (не именем);
 $O(x)$ – x является объектом;
 $S\alpha$ – α является смыслом;
 $E(a, \alpha)$ – a выражает α ;
 Pa – a является предложением;
 $T\alpha$ – α является мыслью;
 $Seg(a, b)$ – a является синтаксическим сегментом b ;
 $wfSeg(a, b)$ – a является правильно построенным
 синтаксическим сегментом b .

Как известно, Фреге выделял собственные имена, то есть знаки для «предметов», но не для понятий, и «понятийные слова», то есть общие имена, призванные обозначать понятия. Такая терминология отчасти расходится с грамматической, поскольку у Фреге, и вслед за ним у многих других авторов, «собственное имя» – это не всегда то же самое, что «имя собственное». Фреге выделяет два типа атомарных языковых объектов – имена понятий и имена предметов, причем первые действуют как имена функций, а вторые – как аргументы этих функций. Собственное имя подразумевает прагматическое указание на единичный предмет, каким бы он ни был, так что к этой категории принадлежат следующие именные выражения:

- «подлинные» собственные имена (в грамматическом смысле), такие, как Александр или Буцефал;
- общие имена, такие, как «лошадь», когда они помещаются в специфический контекст, например, используются для указания (в старинной терминологии – находится в индивидуальной суппозиции);
- именные выражения с контекстуально определенной или встроеной единственностью: «понятие “человек”», «Последний день Помпеи»;
- определенное или неопределенное (доопределяемое контекстом) дескриптивное выражение: «ученик Аристотеля».

Смысл и денотат для собственных и общих имен определяются по-разному, поскольку, как уже говорилось, понятия действуют как функции, а предметы – как их аргументы, и собственное имя, не являясь функцией, не может выступать – в терминистской трактовке – в роли предиката [8, с. 256]. Собственно, предмет и может быть определен как то, что не есть функция.

² Пояснения следуют ниже.

Сформулированные Мартином постулаты интересны как пример применения многосортного языка в логике смысла. Ниже собственные имена будем называть просто именами, поскольку для выделения предикатных терминов среди прочих языковых сущностей будет введен специальный примитивный предикат. Приводим постулаты Мартина и сразу поясняем их содержание.

$$П1. \forall a(Na \supset \exists \alpha(E(a, \alpha)))$$

Имя выражает смысл.

$$П2. \forall a \forall \alpha \forall \beta (E(a, \alpha) \wedge E(a, \beta)) \supset \alpha = \beta$$

Имя выражает не более чем один смысл.

Это положение, как мы увидим ниже, не вполне точно отражает понимание Фреге эпистемической универсальности интенционалий. Без ограничений она принимается только в отношении *мыслей*, т.е. смыслов предложений, в то время как ситуация со смыслами имен выглядит сложнее (примеры будут приведены ниже). Мартин исходит из «универсалистского» статуса всех интенционалий, т.е. предполагает, что смысл имени не зависит от субъекта и является всеобщей семантической инвариантой.

$$П3. \forall a(Na \supset \exists x(D(a, x)))$$

Имя имеет денотат.

Точка зрения Фреге здесь модифицирована. Фреге считал, например, имена выдуманных героев литературных произведений или такие имена, как «самое большое натуральное число», обладающими смыслом, но лишенными денотации. Модификация Мартина с точки зрения интенциональной логики неизбежна, поскольку последняя не может строиться иначе, как свободная логика, и нуждается поэтому в фиктивных или нуль-объектах, которые сопоставлялись бы именам, лишенным денотации. Постулат П7, сформулированный ниже, в этом отношении дополняет П3.

$$П4. \forall a \forall x \forall y ((D(a, x) \wedge D(a, y)) \supset x = y$$

Имя имеет не более чем один денотат.

$$П5. \exists x (Ox \wedge \exists a (Na \supset D(a, x) \supset \exists b (D(b, x) \wedge \neg (b = a))))$$

Существуют такой объект x и такое имя a , которое его обозначает, что найдется имя b , которое также обозначает x , но не совпадает с a .

П6. $\forall \alpha (P\alpha \supset \exists a \exists b (E(a, \alpha) \wedge E(b, \alpha) \wedge \neg(a = b)))$

Одна и та же мысль может быть выражена различными предложениями.

Принятие последнего постулата возможно только при условии, что решена проблема отождествления смыслов конститuent предложения, то есть имен и предикатов.

П7. $\exists a \exists \alpha (E(a, \alpha) \wedge \forall x (\exists ! x \supset \neg D(a, x)))$

Существуют такие имя a и смысл α , что a выражает α , но не обозначает никакого «реально существующего» объекта.

$\exists !$ – это предикат существования, и запись $\exists ! x$ означает, что x есть объект, отличный от нулевого объекта.

П8. $\forall a \forall x (D(a, x) \supset (Na \wedge Ox))$

Если две сущности связаны отношением обозначения, то обозначающее является именем, а обозначаемое – объектом.

П9. $\forall a \forall \alpha (E(a, \alpha) \supset ((Na \vee Pre(a)) \wedge S\alpha))$

Если две сущности связаны отношением «выражать», то выражающее является именем или предикатом, а выражаемое – смыслом.

П10. $\neg \exists x \exists \alpha (Ox \wedge S\alpha \wedge x = \alpha)$

Никакой объект не является смыслом.

П11. $\neg \exists a \exists x (Na \wedge Ox \wedge x = a)$

Никакое имя не является объектом.

П12. $\neg \exists a \exists \alpha (Na \wedge S\alpha \wedge a = \alpha)$

Никакое имя не является смыслом.

П13. $\forall a \forall x \forall \alpha ((D(a, x) \wedge E(a, \alpha)) \supset \neg(x = \alpha))$

Смысл и денотат имени – различные сущности.

П14. $\neg \exists a \exists x (D(a, x) \wedge E(a, x))$

То, что имя обозначает и то, что имя выражает, являются различными сущностями.

П15. $Ot \wedge Of$

«Истина» – t и «Ложь» – f являются объектами.

П16. $\neg(t = f)$

t и f являются различными объектами.

П17. $\forall \alpha (Pa = (D(a, t) \vee D(a, f)))$

Быть предложением – это значит обозначать или t, или f.

П18. $\forall a(Pa \supset Na)$

Предложение является именем.

В последнем нет ничего неожиданного, поскольку возможные денотаты предложений, а именно сущности t и f, принадлежат к совокупности объектов.

П19. $\forall \alpha(T\alpha \supset S\alpha)$

Мысль является смыслом.

П20. $\forall a(Pa \supset \exists \alpha(T\alpha \wedge E(a, \alpha)))$

Всякое предложение выражает некоторую мысль.

П21. $\forall \alpha \forall a((Pa \wedge E(a, \alpha)) \supset T\alpha)$

Все, что выражается предложением, есть мысль.

П22. $\forall \alpha \forall a((T\alpha \wedge E(a, \alpha)) \supset Pa)$

Все, что выразит мысль, есть предложение.

П23а. $\forall a((Na \wedge \neg Pa) =$

$$(\exists x(Ox \wedge D(a, x) \wedge \neg(x = t) \wedge \neg(x = f)) \wedge \\ \exists \alpha(S\alpha \wedge \neg T\alpha \wedge E(a, \alpha)))$$

Быть именем и не быть предложением равносильно тому, чтобы обозначать объект, не являющийся ни t, ни f, и выражать смысл, не являющийся мыслью.

Постулат 23а описывает свойства, выделяющие предложения среди имен.

П23б. $\forall a(Pa = ((D(a, t) \vee D(a, f)) \wedge \exists \alpha(T\alpha \wedge E(a, \alpha))))$

Быть предложением равносильно тому, чтобы обозначать t или f и выразить мысль.

П24. $\exists aNa \wedge \exists aPa$

Существуют имена, и существуют предложения.

П25. $\exists x(Ox \wedge \neg(x = t) \wedge \neg(x = f))$

Существуют объекты, отличные от t и f.

П26. $\exists \alpha S\alpha \wedge \exists \alpha T\alpha$

Существуют смыслы, и существуют мысли.

П27. $\forall a \forall x \forall \alpha \forall b((Na \wedge Nb \wedge E(a, \alpha) \wedge E(b, \alpha) \wedge D(a, x))$

$$\supset D(a, x))$$

Имена, выражающие один и тот же смысл, имеют один и тот же денотат.

Если смыслом мы называем интенциональную сущность постольку, поскольку она отнесена к выражению языка как его интенциональная характеристика, то понятие «концепт» отражает отнесенность интенциональной сущности к денотату выражения языка. Предикат «быть концептом», соответствующий отношению между смыслом и предметом, вводится следующим определением:

$$C(\alpha, x) \Leftrightarrow_{\text{Df}} \exists a(E(a, \alpha) \wedge D(a, x) \wedge \neg(x = t) \wedge \neg(x = f))$$

То, что α есть концепт x , равнозначно тому, что α является смыслом имени a , обозначающего x , и x отличен от t и f .

Следует заметить, что объекты t и f оказываются у Мартина лишними концептов. Здесь он следует в большей степени Расселу, чем Фреге, неявно предполагая, что денотация предложений имеет, так сказать, составную природу, т.е. что предложение обозначает положение дел или факт, и попутно в качестве характеристики этого положения дел – сущность t или f . Такой точки зрения можно противопоставить соображения эпистемологического характера. Говоря об истинностных значениях, мы говорим об истинностных значениях именно предложений, т.е. о характере связи их содержания с подразумеваемой онтологией, и для того, чтобы понять, что такое истинностное значение предложения, достаточно рассмотреть любое предложение из потенциально бесконечного их числа. Тем самым концепт истинностного значения будет дан как смысл такого предложения. Ситуация здесь ничем не отличается от всех прочих, отличных от t и f сущностей, ведь каждая из них может быть обозначена потенциально бесконечным числом имен, так что смысл любого из них будет играть роль концепта. Ниже следует постулат 29, который отождествляет все концепты одного и того же предмета, что, несомненно, контринтуитивно, но отражает принятую Мартином и излагаемую далее теорию смысла. Боязнь распространить определение понятия «концепт» на истинностные значения объясняется недоверием к ним как к таким сущностям онтологии, которые не могут претендовать на равный с «настоящими» предметами статус, будучи лишены реальности в «настоящем» смысле. Тем самым исключительно логический метод рассуждения Фреге, который в поиске денотата предложения отталкивается от той характеристики его

компонент, которая оказывается существенной при заменах тождественных, корректируется у Мартина онтологической установкой относительно статуса истинностных значений.

$$\text{П28. } \forall x((Ox \wedge \neg(x = t) \wedge \neg(x = f)) \supset \exists \alpha C(\alpha, x))$$

Для всякого объекта, отличного от t и f , найдется концепт.

$$\text{П29. } \forall x \forall \alpha \forall \beta ((C(\alpha, x) \wedge C(\beta, x)) \supset \alpha = \beta)$$

Объект имеет в точности один концепт.

Последнее положение более чем спорно, но отражает принятое Мартином понимание смысла (см. ниже).

$$\text{П30. } \forall \alpha \forall \beta (\alpha = \beta \supset (A \supset A^*))$$

где A – формула, содержащая α и $A^* = A(\alpha // \beta)$.

Тождественные смыслы взаимозаменяемы в экстенциональном контексте.

$$\text{П31. } (\alpha = \beta \wedge E(a, \alpha) \wedge E(b, \alpha)) \supset A = A^{**}),$$

где A содержит упоминание a в косвенном контексте и $A^{**} = A(\langle a \rangle // \langle b \rangle)$, т.е. A^{**} получено из A заменой (любого числа) вхождений a , находящихся в косвенном контексте, на b .

Выражения, имеющие один и тот же смысл, взаимозаменяемы в косвенном контексте.

$$\text{П32. } \forall a (Pre(a) \supset \exists \alpha (S\alpha \wedge E(a, \alpha)))$$

Всякий предикат имеет смысл.

Для формальной презентации принципа композициональности по определению вводятся предикаты

$Part(\alpha, \beta)$ – смысл α является частью мысли β

и

$wfPart(\alpha, \beta)$ – мысль α является частью мысли β .

Определения:

$$Part(\alpha, \beta) \Leftrightarrow_{\text{Df}} \exists a \exists b (Pb \wedge (Na \vee Pre(a)) \wedge Seg(a, b) \wedge E(a, \alpha) \wedge E(b, \beta))$$

То, что смысл α является частью мысли β , равнозначно тому, что существуют a и b , такие, что a – имя или

предикат, a b – предложение, a является синтаксическим сегментом b , и a выражает смысл α , b выражает мысль β .

$$wfPart(\alpha, \beta) \Leftrightarrow_{Df} \exists a \exists b \exists c (Pa \wedge Pb \wedge Pc \wedge (\forall d (wfSeg(d, b) \supset (d = a) \vee (d = c))) \wedge (E(a, \alpha) \vee E(c, \alpha)) \wedge E(b, \beta))$$

То, что мысль α является частью мысли β , равнозначно тому, что существуют предложения a , b и c такие, что b построено из a и c , b выражает мысль β , а мысль α выражена либо a , либо c .

Тождество смыслов определяется так:

$$\alpha = \beta \Leftrightarrow_{Df} \forall \gamma (Part(\gamma, \alpha) = Part(\gamma, \beta))$$

То, что смыслы α и β тождественны, равнозначно тому, что любой смысл, являющийся частью α , будет также частью β и наоборот.

Формулировка принципа композициональности:

$$P33. \forall abcda\beta\gamma\delta((Na \wedge Pre(b) \wedge (c \approx^3 ba) \wedge Pc \wedge (d \approx \forall xbx) \wedge E(a, \alpha) \wedge E(b, \beta) \wedge E(c, \gamma) \wedge E(d, \delta)) \supset (Part(\alpha, \beta) \wedge Part(\beta, \delta) \wedge Part(\gamma, \delta)))$$

Если a – имя, b – предикат, c – предложение, вида ba и d – предложение, вида $\forall xbx$, α , β , γ , δ – смыслы a , b , c , d соответственно, то смысл α будет частью смысла β , а смыслы β и γ будут частями смысла δ .

Теперь рассмотрим теорию смысла Мартина. В его системе смысл выражения языка должен удовлетворять следующим требованиям: (1) он должен содержать конкретный способ представления денотата, (2) он должен служить прояснению только одного аспекта денотата при условии, что само выражение имеет единственный денотат, и (3) он должен отличаться от всей совокупности обозначений этого денотата в языке. Мартин полагает, что лингвистическое понятие *парафраз* может служить аналогом смысла выражения. Вводится предикат:

³ Символ графического равенства.

Par(a, b) – выражение a есть парафраз выражения b в некотором специально уточняемом поведенческом или операциональном смысле.

В лингвистике под парафразом⁴ выражения понимают такую его замену или переформулировку, которая вводит описание предмета и осуществляется с целью уточнить значение выражения, понимаемого как предмет или положение дел, используя «другие слова», иногда более ясные или легкие для понимания в той или иной ситуации произнесения. Например, для выражения

Возьми это и положи на стол

можно дать парафраз

Возьми эту зеленую книгу с закладкой, которую я держу в руках, и положи на стол,

а для выражения

Я надеюсь, что это будет интересно

парафраз будет

Пишущий эти строки надеется, что это будет интересно.

Выражения

Вечерняя звезда – это планета Венера,

Аристотель – учитель Александра

имеют парафразы соответственно

Звезда, которая первая появляется вечером на небосклоне, – это планета Венера,

Человек по имени Аристотель – учитель Александра.

Парафраз предполагает переформулировку, достаточно близкую к исходному выражению, так что относительно предметов или положений дел, которые должны быть указаны или описаны, должно сохраняться некоторое фиксированное знание. Синонимы не являются парафразами друг друга и в последних примерах не могли появиться выражения «Вечерняя звезда» и «Ученик Платона, родом из Стагира». Ниже мы обсудим проблемы, связанные с использованием парафраз в теории смысла, а сейчас завершим описание системы Мартина.

Если *a* – выражение, то любой парафраз *a* должен удовлетворять свойствам (1)–(3). Совокупность всех парафраз *a* образует вир-

⁴ Говорят также «парафраза» и «перифраз».

туальный класс, который и будет рассматриваться как смысл a . Тогда отношение «выражать» можно ввести определением:

$$E(a, \alpha) \Leftrightarrow_{\text{Df}} (a \in \alpha) \wedge (\alpha = \{b : \text{Par}(b, a)\})$$

То, что выражение a имеет смысл α равнозначно, что α есть виртуальный класс всех парафраз a и само a принадлежит к этому классу.

Другой вариант определения:

$$E(a, \alpha) \Leftrightarrow_{\text{Df}} a \in \{b : \text{Par}(b, a)\}.$$

Принимается, что $S\{b : \text{Par}(b, a)\}$, и тогда свойства отношения $\text{Par}(b, a)$ характеризуются постулатами:

$$\text{П34. } \forall a(S\{b : \text{Par}(b, a)\} = (Na \vee \text{Pre}(a) \vee Pa))$$

Для любого a быть выражением языка эквивалентно тому, что класс парафраз a выступает в роли смысла.

$$\text{П6'. } \forall c(S\{d : \text{Par}(d, c)\} \supset$$

$$\exists a \exists b (a \in \{d : \text{Par}(d, c)\} \wedge b \in \{d : \text{Par}(d, c)\} \wedge \neg(a = b)))$$

Если класс парафраз выражения c выступает в роли смысла, то найдутся два нетождественных выражения a и b , принадлежащие этому классу.

$$\text{П35. } \forall a \forall x (D(a, x) \supset a \in \{b : \text{Par}(b, a)\})$$

Если a имеет денотат, то a принадлежит классу собственных парафраз.

$$\text{П36. } \forall a \forall x (D(a, x) \supset (\{b : \text{Par}(b, a)\} \subset \{b : D(b, x)\} \wedge \neg(\{b : D(b, x)\} \subset \{b : \text{Par}(b, a)\})))$$

Если a обозначает x , то класс парафраз a есть подмножество всех обозначений x , а обратное неверно.

Смысл выражения представим как совокупность его парафраз – в этом основная идея Мартина, воплощающая фреговскую теорию содержания. Говоря о парафразе, Мартин предполагает такой критерий различия смыслов, при котором один смысл может быть сопоставлен многим различным выражениям, имеющим один и тот же денотат, например, «я», «пишущий эти строки», «написавший предыдущие строки». В рамках «жесткой» теории смысла Фреге все эти

выражения имеют разный смысл, а в рамках его же предполагаемой «мягкой» теории они могли бы иметь один и тот же смысл, но разные содержания. Со своей стороны Мартин использует термин «смысл» в двух разных значениях, которые мы определим так:

- смысл*₁ – «жесткий» смысл выражения, который образуется при сочетании «мягкого» смысла с некоторым определенным содержанием;
- смысл*₂ – «мягкий» смысл выражения или инварианта парафраз (изменения содержания) выражения.

Например, выражения «я» и «пишущий эти строки» будут иметь один и тот же *смысл*₂, но различные *смыслы*₁. Для того чтобы сделать построение Мартина плодотворным, необходимо сформулировать критерии, по которым *смысл*₂ имени *a* мог бы быть отождествлен со *смыслом*₂ имени *b*. Здесь нас ожидают трудности. Легко заметить, что в первом определении понятия «мягкого» смысла и парафраза (вариации содержания) послужили для определения смысла как такового, или «жесткого» смысла. Это примечательно, поскольку, во-первых, мы и так знаем определение смысла как такового, хотя и в других терминах, и, во-вторых, нас интересует как раз определение «мягкого» смысла. А его получить трудно, так как в концепции Мартина он определяется через довольно размытое лингвистическое понятие парафраза.

Фреге, конечно, не рассматривал возможность трактовки смысла как совокупности парафраз, но задание смысла настоящего собственного имени через описание свойств предмета он отвергал. Так, если имени Аристотель сопоставляется в качестве его смысла описание «Происходящий из Стагиры ученик Платона», то это, замечает Фреге, дает лишь один из возможных смыслов, альтернативой которому является, например, описание «Происходящий из Стагиры учитель Александра» [9, прим. на с. 231]. Тем самым смысл собственного имени, в отличие от смысла общего имени или предложения, приобретает субъективистский характер, что, хотя и выбивается из тональности статьи Фреге, очевидно, неустранимо. Оказывается, что настоящему имени собственному сопоставляется смысл в значительной степени «несамостоятельный», а именно привязанный к какой-то характеристике предмета, что делает такой смысл субъективным.⁵

⁵ Показательно обсуждение Фреге проблемы различных субъективных смыслов собственного имени в статье «Мысль. Логическое исследование» [7, с. 331–332].

Если выражение «Происходящий из Стагиры ученик Платона» имеет смысл более или менее универсальный, то имя Аристотель имеет смысл, особый для каждого субъекта. На этом основании можно попытаться утвердить построение Мартина, которое, правда, будет относиться только к подлинным именам собственным. Совокупность парафраз имени Аристотель будет образована описанием индивидуальных смыслов этого имени для всех возможных субъектов. Каждое из выражений, дающих такое описание, будет иметь свой собственный *смысл*₁, но, на взгляд «извне», они все будут иметь тождественный *смысл*₂. Идея Мартина кажется в этом случае вполне реализуемой.

Можно ли перенести этот метод на прочие имена, а также на предикаты и предложения? Только в той мере, в какой использование этих выражений будет предполагать субъективистски понятый смысл. Например, когда имя находится в контексте указания или индивидуальной суппозиции, как в выражениях

Эта лошадь белая;

Послушайте, какой голосистый петух.

Каждый из непосредственных участников осмотра лошади и слушания петуха обладает индивидуально окрашенными *смыслами*₁ выражений «эта лошадь» и «голос этого петуха», которые могут быть выражены в более точных, но различных по *смыслу*₁ описаниях. Для «внешнего» наблюдателя, следуя теории Мартина, все эти описания окажутся парафразами выражений «эта лошадь» или «голос этого петуха», т.е. будут отождествлены по *смыслу*₂.

Как нам кажется, применить теорию парафраза к понятийным словам (предикатам) и к предложениям как таковым невозможно. Во-первых, это противоречит постулируемой Фреге универсальности понятия и мысли. Во-вторых, различение *смысла*₁ и *смысла*₂ становится невозможным. Для имен Мартин подразумевает достаточно слабый критерий, по которому отождествляется *смысл*₂ выражений. Но понять каждый случай парафраза можно только, указав смысловой инвариант, т.е. проведя границу между просто пояснением смысла и использованием определений, синонимов, фактических истин, подразумевающих другой, альтернативный *смысл*₂. Провести эти границы без субъективных и потому непреодолимых различий содержания, вкладываемого в лишенный самостоятельного значения термин, как это было в случае подлинных имен собственных, труд-

но. Знание понятия или мысли, конечно, также имеет субъективные характеристики, но оно всегда может быть приведено к некоторому образцу. Здесь примерами, вполне в духе Фреге, служат строгие определения и постулаты точных наук.

Парафраз может возникать на основе тождества имен, но различие между тождествами аналитически и фактически истинными не играет роли. Пусть, например, тождество $a - b$ имеет аналитический характер. Почему бы не рассматривать имена a и b как парафразы друг друга? В основании аналитического тождества имен лежит определение, и ссылка на него возможна тогда, когда оно известно субъектам, которым сообщаются парафразы, например, выражений

Это решение Верховного суда окончательно;

Финал заседания будет бурным,

имеющие вид, соответственно,

Это решение суда высшей инстанции окончательно

Завершающая часть заседания будет бурной.

Точно так же переход от

Тебе понятно, что $3 \times 12 = 36$?

к

Тебе понятно, что $12 + 12 + 12 = 36$?

Для того чтобы парафраз имел место, требует знания определения умножения через сложение. Незнание субъектом подразумеваемых определений делает такие переходы уже не парафразом, а заменой тождественных, требующей обоснования, так что оказывается, что в одних случаях парафраз имеет место, а в других – нет. Нельзя здесь не отметить, что, столкнувшись с заменой тождественных, оформленной как парафраз, субъект начинает испытывать беспокойство и проявлять познавательную активность.

Тождество $a - b$, являющееся только фактическим, также не всегда обеспечивает парафраз: случай с именами «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» очевиден. Но обнаруженное в той или иной ситуации произнесения тождество между «я» и «пишущий эти строки», хотя оно и фактическое, обосновывает парафраз.

Таким образом, искомые критерии, по которым b можно признать парафразом a , по-видимому, не зависят от аналитического или фактического характера тождества заменяемых имен и содержат разнородные, в том числе внелогические, характеристики, что делает теорию Мартина в общем виде нереализуемой. Мы можем осуще-

ствлять парафразы на основании принятых субъектом определений, на основании его знаний о носителях настоящих имен собственных или объектов демонстрации, а также в тех или иных ситуациях произнесения. Поэтому функционирование одного имени как парафразы другого оказывается зависящим от места, времени и знаний субъекта. Указание на эпистемическую установку субъекта неизбежно, поскольку некоторая совокупность парафраз имени, коль скоро субъект ими пользуется здесь и теперь, является объектом его эпистемической установки.

Идея Мартина может получить и феноменологическое звучание. Если считать *смысл₂* интенсией акта сознания, а *смысл₁* – универсалистски понятым (интерсубъективным) смыслом выражения языка, то при ряде модификаций система Мартина превратится в описание того, как соотносятся между собой предметы, выражения, универсальные смыслы этих выражений и интенциональные содержания актов, стоящих за пониманием и модификацией универсальных смыслов. Тогда, если мы имеем дело с универсальным смыслом, исключающим субъективные модификации, окажется, что одному и тому же интенциональному содержанию соответствует множество способов сигнификации.

Итак, теория смысла как парафразы если и применима, то только для характеристики смысла имен, причем в отношении имен собственных – в большей степени, а в отношении имен, содержащих прагматические компоненты (описание, указание, демонстрация и пр.) – в меньшей степени. В обоих этих случаях использование понятия парафразы можно обосновать только в рамках субъективистской трактовки смысла.

Для того чтобы перенести понимание смысла как совокупности парафраз на понятийные имена и предложения, требуется точная интерпретация того, что мы обозначили как *смысл₂*. Пусть α и β – классы парафраз имен a и b , выступающие в роли их смыслов, $a = b$ и $\alpha \neq \beta$. Это значит, что все имена, принадлежащие соответственно к α и к β , имеют один и тот же *смысл₂*, но любое имя из α имеет *смысл₂*, отличный от любого имени из β . Каковы пределы модификаций выражений, позволяющих считать эти модификации парафразами? Мартин не дает ответа на этот вопрос, но мы можем попытаться поискать почву для такого ответа. Будем говорить о предло-

жениях. Коль скоро некоторое предложение призвано описать положение дел, его парафраз описывает то же самое положение дел. Назначение парафразы – прагматическое уточнение, пояснение высказывания, которое дается в той или иной конкретной ситуации применительно к тем или иным нуждам говорящего. Чаще всего парафраз возникает в ответе на вопрос об уточнении смысла выражения. Приведенные выше примеры нетрудно дополнить такого рода вопросами. Поэтому парафразы, предназначенные субъекту *N* для прояснения смысла предложения *A*, будут бесполезными до тех пор, пока не затронут его сферу знания и не будут использовать понятные ему способы сигнификации. Если считать, что все субъекты в равной степени обладают некоторыми «базовыми» способами восприятия и обозначения предметов, например, для предметов чувственно воспринимаемых, это умение определить цвет, отдаленность, приблизительные размеры, материал и т.п., то в некоторой ситуации, когда субъект *N* не сможет правильно отреагировать на высказывание

Возьми там на столе пишущий CD,

его собеседник будет использовать не любое возможное обозначение для лежащего на столе пишущего CD, к числу которых, например, будет относиться

Устройство, предназначенное для... находящееся там-то и там-то,

а выберет парафраз, «снижающий» оценку компетенции субъекта *N*, например:

Вон та штуковина справа на столе с серебряной наклейкой и пучком проводов сзади.

Такая ситуация типична, когда адресат высказывания проявляет неосведомленность в какой-либо сфере, которая может проявляться либо в отсутствии знания «сути дела», либо в отсутствии сведений о принятой системе обозначений. В любом из этих случаев оперативно формулируемый парафраз будет использовать такую систему описания, которая предполагается общедоступной и понятной. Легко дополнить такое понимание использования парафразы более мелкими градациями совершаемых на основании определений переходов от простого и непонятного к более простому и понятному. Для этого достаточно вообразить себе, что ученик 11-го класса пытается объяснить, что такое световая волна, сначала десятикласснику, затем девятикласснику и так до самых маленьких. Парафразы будут каждый

раз все более и более «снижающими» исходное описание, приспособляющими его к более и более бедному физико-математическому аппарату и наконец станут использовать наглядные представления, образы и аналогии. Похожая ситуация может сложиться тогда, когда некий первоклассник начнет рассказывать более старшим ученикам о содержании своих игр. Адаптация к знаниям и способам обозначения взрослых, обедняющая мир «детских» фантазий, игр и разговоров, становится доступной также через парафраз. Много примеров такого рода можно найти в историях про Тома Сойера и Гекльберри Финна. Таким образом, парафраз, хотя только в одной сфере своего действия, пытается свести «сложное» к «простому», то есть действует на основании некоторой подразумеваемой иерархии определений, подобной «конституционной» системе понятий Карнапа. Если мы по каким-либо причинам не хотим рассматривать парафраз только в эпистемическом плане, то есть предполагая, что он служит адекватному пояснению смысла в рамках сферы знаний конкретного субъекта N , то, как нам кажется, естественно было бы говорить о различных уровнях компетенции субъектов как о том, что может коррелировать с теми или иными группами парафраз предложения A . Тогда $смысл_2$ двух различных высказываний, выступающих в качестве парафраз друг друга, может быть понят как индекс, указывающий на то, что эти высказывания содержат одинаковые ожидания уровня компетенции их адресата.

Приведем пример. Сопоставим высказыванию

Суждение, выражающее тот факт, что тело имеет протяженность, аналитически истинно

три выражения, являющиеся парафразами друг друга:

- (1) *Это значит, что свойство быть протяженным входит в содержание понятия «тело»;*
- (2) *Это значит, что протяженность есть неотъемлемая черта физических тел;*
- (3) *Это значит, что когда говорят «тело», то подразумевают нечто имеющее длину, ширину и высоту.*

Эти парафразы демонстрируют два уровня упрощения объяснения. Если выражение (1) использует определение аналитической истинности суждения и подразумевает знание субъектом того, что такое свойство и понятие. Снижение, которое дает высказыванию (1)

его парафраз (2), не использует эти термины и, придерживаясь «обыденного» словоупотребления, сохраняет термины элементарной физики: «протяженность», «физическое тело». Наконец, высказывание (3) имитирует номинальное определение термина «тело» и подчеркнuto апеллирует к обыденному словоупотреблению. Очевидно, что относительно высказываний (1), (2) и (3) нет оснований для отождествления *смысла*.

Итак, одна из функций парафразы – это пояснение с использованием «общеизвестного» определения. Другая – это пояснение с использованием прагматического указания. Третья – это пояснение, апеллирующее к сфере знаний субъекта. Это перечисление можно продолжать и дальше, поскольку парафраз может быть также стилистическим или чисто прагматическим приемом, то есть может нести в себе иронию, сомнение, осуждение, одобрение и т.п. Очевидно, что для реализации идеи Мартина, то есть для использования множества парафраз в качестве смысла высказывания, требуется некоторое специальное уточнение этого понятия, возможно, близкое одному из описанных выше, а без такого уточнения построение Мартина остается только эвристическим.⁶

⁶ Концепции Мартина близка идея Бернарда Лински [4] об использовании понятий «раздела» и «передела» содержания. Такой передел мог бы иметь место при переходе от высказывания

прямые α и β параллельны
к высказыванию

прямая α имеет то же самое направление, что и прямая β ,

причем можно указать некоторое третье высказывание, из которого в результате ряда последовательных переделов можно получить как первое, так и второе. Правила передела Лински рассматривает, отталкиваясь от следующего примера. Пусть смысл выражений

$$\begin{aligned}\lambda x . (x^2 - 4x) &= \lambda x . x(x - 4) \\ (x^2 - 4x) &= x(x - 4)\end{aligned}$$

совпадает, а различны только способы выражения этого смысла, которые можно получить как следствия передела смысла. Передел смысла имеет место тогда, когда исходный и результирующий смыслы не являются независимыми друг от друга. Независимость смыслов выражений *A* и *B* означает, что провал денотации тех или иных компонент *A*, ведущий к провалу денотации *A*, совместим с наличием денотации у *B*. Тем самым при интерпретации интенционалий в терминах возможных миров критерий Лински требует, чтобы языковые сущности, выражающие один и тот же смысл, обладали денотацией в одних и тех же мирах.

Литература

1. *Anderson C.A.* Bealer's «Quality and Concept» // *Journal of Philosophical Logic*. V. 16. 1987. P. 115–164.
2. *Bealer G.* Property theory: the type-free approach v. the Church approach // *Journal of philosophical logic*. Vol. 23. 1994. P. 139–171.
3. *Bealer G.* *Quality and Concept*. Oxford U.P. Oxford, 1982.
4. *Linsky B.* A Note on the «Carving Up Content» Principle in Frege's Theory of Sense // *Notre Dame Journal of Formal Logic*. Vol. 33. 1992. P. 126–135.
5. *Martin R.M.* *Pragmatics, truth and language*. Dordrecht, 1979.
6. *Фреге Г.* Логические исследования. Часть третья: структура мысли // Готтлоб Фреге. Логика и логическая семантика. Пер. с нем. Б.В. Бирюкова под. ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 356–370.
7. *Фреге Г.* Мысль. Логическое исследование // Там же. С. 326–342.
8. *Фреге Г.* О понятии и предмете // Там же. С. 253–262.
9. *Фреге Г.* О смысле и значении // Там же. С. 230–246.
10. *Чёрч А.* Введение в математическую логику. Т. 1. М., 1960.